

(4) Архетип данной модели можно именовать и характеризовать как «*аксиологию*». Аксиология есть двойная коннотация, т. е. всегда некоторая переоценка ценностей. Ценности же образуются как означаемые второго языкового уровня, в чем данная модель не отличается от критического архетипа. Можно говорить, что аксиология так же нуждается в содержательном *a priori*, как и критика, только толкует его несколько иначе, в рамках иной знаковой системы. Поэтому аксиология может соединяться не только с близкой ей коннотативной моделью метафизики, но и с моделью критики, вступать в симбиоз с критической философией. Аксиологию можно обнаружить и у кантианцев, и у феноменологов. Всякая ирония, начиная с Сократа, базируется на игре переоценки ценностей, поэтому ирония аксиологична. Метафизика же может быть аксиологически окрашенной, как это наблюдалось в большей части традиционной философии.

¹ *Барп Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 114–163.

НА ПУТИ К АЛЬТЕРНАТИВНОМУ ПОНИМАНИЮ БЕСКОНЕЧНОГО И ВСЕОБЩЕГО

Н. В. Белякин, Л. Н. Победин, Б. И. Прилоус
Новосибирский государственный университет

Введение

Размышления о бесконечности имеют давнюю философскую традицию. Постепенно с развитием науки понятие бесконечности стало и математическим объектом. В настоящее время мы имеем в классической математике стройную теорию бесконечности – канторовскую теорию множеств. Посмотрим, однако, каким объектам реального мира соответствует такое математическое понятие бесконечности.

В обыденной жизни у нас может формироваться такое понятие о бесконечности, когда мы размышляем, например, о количестве песчинок на пляже, количестве звезд на небе и пр. Во всех случаях, когда количество объектов необозримо велико, хочется сказать, что таких объектов бесконечно много. Тем не менее, хотя мы и не можем назвать точное количество песчинок на пляже, мы понимаем, что это количество выражается большим, но все же конечным числом. Что же касается числа видимых

звезд на небе (а есть еще и невидимые), то по современным физическим представлениям даже число атомов во Вселенной не превышает 10 в десятой и еще раз в десятой степени. В случае возникновения дискуссий о разных физических моделях реального мира мы можем увеличить трехступенчатую башню этого числа на одну (или две) ступени, чтобы прекратить дискуссии, и получаем хотя и большое, но все-таки конечное число. В это число заведомо уложится и само время существования Вселенной. Так что в реальном мире бесконечности мы не обнаруживаем. Возникает естественный вопрос: какую же роль играет тогда понятие бесконечности в математике, философии и вообще в человеческом сознании? Может быть, попытаться строить свои рассуждения, вообще отказавшись от этого понятия? Однако такая попытка заведомо обречена на неудачу. Действительно, в математике бесконечное играет такую фундаментальную роль, что это позволило Д. Гильберту назвать математический анализ «единой симфонией бесконечного»¹. В философии бесконечный регресс является постоянным логическим аргументом, к которому обращаются разные философы при обосновании своих фундаментальных философских положений. К таковым относятся положение И. Канта о суверенности морали, положение В. И. Вернадского о жизни как фундаментальной силе природы и др.

Стоит заметить, что понятие бесконечности, не имеющее прямого аналога в физической реальности, является варьируемым, т. е. вполне возможно создание теорий бесконечности, отличных от классической точки зрения на это понятие в математике. Это, однако, легко сказать, но трудно сделать. К счастью для нас, такой труд взял на себя чешский математик П. Вепенка. Он разработал альтернативную теорию множеств (AST)². Оставляя в стороне вопросы формализации, поясним основные понятия, лежащие в основе этой теории.

Четкость и нечеткость³

Канторовская теория имеет дело с четко выделенными совокупностями объектов, которые называются множествами. Однако большинство совокупностей реального мира четко выделенным не является. Например, совокупность всех ныне живущих на земле людей не выделена четко. Ведь если бы мы должны были решить, к какой совокупности принадлежит той или иной человек, у нас могли бы иной раз возникнуть немалые сомнения. Аналогично не являются четко выделенными совокупности всех съедобных блюд, интересных книг, красивых цветов. Короче говоря, почти всегда, когда мы наделяем совокупность каким-либо естественным свойством (т. е. помещаем в эту совокупность все объекты с этим

свойством), то данная совокупность выделяется нечетко. Будем называть такие нечеткие совокупности, вслед за Вopenкой, *классами*.

Центральная идея альтернативной теории множеств состоит в том, чтобы возложить на такие нечеткие совокупности роль, которую играет понятие бесконечности в классической математике. Попытаемся оценить открывающиеся возможности новой теории.

По-существу, альтернативная бесконечность является чем-то неопределенно конечным. Поэтому в такой теории просто не возникают многие проблемы классической теории множеств. В частности, многие логические парадоксы имеют здесь простое и неожиданное решение (например, парадокс кучи просто лежит в основе альтернативной теории). Далее, результаты AST могут более адекватно применяться к физическим моделям, поскольку для альтернативной бесконечности можно просто указать объекты физической реальности.

Горизонт

Альтернативную бесконечность Wopenka называет *естественной бесконечностью*. Таким же естественным понятием AST является понятие горизонта⁴.

Каждый наш взгляд, куда бы он ни был направлен, всегда чем-то ограничен. Либо на его пути оказывается твердая граница, четко его пересекающая, либо он ограничен горизонтом, по направлению к которому утрачивается ясность нашего видения. Например, наш взгляд на окружающее пространство, сосредоточенный на его размерности, четко ограничен тремя измерениями. Горизонтом ограничено наше видение вдаль, а также вглубь, т. е. при взгляде на все более мелкие предметы. Однако наш взгляд не есть только видение глазами, но понимается в самом широком смысле. По-видимому, можно говорить о горизонте нашего познания, нашего ума, нашей мысли.

Четко преграждающие взгляд твердые границы нам представляются чем-то непреложным, как необходимые рамки, в которые заключен сам мир. Напротив, по направлению к горизонту мир для нас остается открытым. Хотя сам горизонт мы признаем четким явлением, то, что лежит перед горизонтом, выделено нечетко. Чем ближе к горизонту находится нечто, тем хуже мы его видим, т. е. по направлению к горизонту мы встречаемся с феноменом нечеткости. Чем ближе к горизонту, тем более ощути-мо этот феномен проявится. Но все нечеткое продолжается дальше или плавно переходит во что-то иное. Поэтому мир, лежащий перед горизонтом, должен продолжаться и за ним, но там он остается еще непознанным.

Горизонт не занимает определенного положения в мире, он может перемещаться. Существующий горизонт можно нередко отдалить или «преодолеть». Но, строго говоря, попасть за горизонт мы не можем. Преодоление существующего горизонта означает лишь то, что перед горизонтом оказалось нечто, бывшее прежде за горизонтом.

Сам по себе горизонт является непреложной границей, которую мы не можем пересечь и которой ограничен наш взгляд. Но поскольку мы понимаем, что мир продолжается и за горизонтом, то горизонт является для нас не границей мира, а лишь границей нашей взгляда на мир (по этой причине, замечает Вopenка, горизонт и не стал прямым предметом для европейской науки). Центральной аксиомой альтернативной теории множеств является аксиома экстраполяции за горизонт. Однако она требует отдельного рассмотрения.

Самотождественность и всеобщность

Кант в своих главных произведениях потратил немало усилий, чтобы отстоять суверенность «должного и праведного». Ну, и на чем же он основывался? Несомненно, его не удовлетворяло восприятие морали *только* как эмпирической данности. Тем более что данность эта на поверку оказывается весьма расплывчатой. Не устраивала Канта, по-видимому, и апелляция к чему-нибудь вроде общественного договора. Дескать, люди могут выжить только сообща, а в обществе приходится соблюдать какие-то (в том числе моральные) нормы. Такой «договор», кстати, тоже не следует понимать прямолинейно: прежде всего это приоритет «личного» перед «общественным», а что касается упомянутого довода в пользу морали, то возразить на него очень легко: между жизненной необходимостью и фундаментальным инвариантом – дистанция огромного размера. (Если А необходимо для существования Б, это не есть причина существования того и другого; стало быть, фундаментальность общественного бытия уже молчаливо предполагается.) Из подобных соображений суверенность морали (и существование Бога) легковесно не выведешь, для этого они слишком поверхностны. В конечном итоге существование кантовского Бога «удостоверяется» отсылкой к «родовому началу», якобы заложенному в человеческой природе (вероятно, имеется в виду т. н. «инстинкт сохранения вида», наличие которого у человека весьма предположительно). Тем самым на философском уровне признается, что «сверхиндивидуальное» столь же первично, как отдельно взятый индивид (и потому способно выступить в роли искомого инварианта). Предрасположенность к некритическому принятию данного тезиса (унаследованного от мифологического

сознания) вообще характерна для философской традиции, хотя именно в этом пункте повышенный критицизм особенно уместен. Бесспорных объективных оснований для такого принятия мы не видим («ползучий эмпиризм», разумеется, не в счет). Но Кант полагал, что нашел нужное основание в самом разуме. Подобно гетевским архангелам, он попытался укрепить феноменологическую шаткость *понятийной четкостью*. Это и есть ахиллесова пята его философии.

Нечеткость, присущая межиндивидуальным отношениям, не может не распространяться на причастность индивида к сообществу. Применимость к ней т. н. закона тождества находится под большим вопросом (если таковой не заявляется в качестве императива). Правомерно ли в таком случае признавать эту причастность онтологическим инвариантом, претендующим на роль краеугольного камня этики и теологии? Инварианты обязаны быть самотождественными, иначе говоря, – точными (а идеальные инварианты – абсолютно точными). У всякой «определенности» есть свой уровень точности, на котором ее еще можно считать существующей. Это обстоятельство (частенько замалчиваемое) на самом деле является очень весомым доводом против далеко заходящих обобщений, а тем более идеализации.

Кант, однако, принимает «родовое начало» за нечто однозначно определенное и твердо установленное, а затем трансформирует его в категорический императив (это уже дело техники). Корректность такой методологии довольно сомнительна (зато ангажированность сомнений не вызывает). А коль скоро она принята на вооружение, то самый простой способ облечь шаткое становление в прочные понятия – это постулировать какую-нибудь *causa sui*. Именно так и происходит у Канта с моральным законом. Если моральное следствие может проистекать только из моральной посылки (с чем более или менее можно согласиться), то и сама мораль – как «окончательное основание правомерного действия» (если оно существует!) – должна находиться во «вневременной реальности» (в вечности или в Боге). Возможно, для гуманитарного мышления «строгого стиля» это заключение безупречно; правда, сама строгость производит неприятное впечатление бесплодных усилий благонамеренности. Искомое «окончательное основание» носит характер всеобщей максимы. Тем самым не очень достоверная «родовая природа» человека подменяется очень твердо узаконенным родовым понятием. В результате такой подмены не остается ничего другого, как признать ее (этой «природы») реальность во избежание «бесконечного регресса». Представить себе (вслед за Кантом) этот регресс как неограниченную итерацию побудительных мотивов, конечно, затруднительно, но, в принципе, возможно.

Важнее, однако, обратить внимание на требование всеобщности, содержащееся в категорическом императиве. Оно подразумевает, что индивид, со всей его неповторимостью, является прежде всего *человеком* (родовым существом), а потом уж самим собой. И этот «родовой» человек (альфа и омега гуманитарных умозрений) должен был и в кантовской этике, возвращенной на «синтетическом априоризме», занять столь же высокое положение. Последнее означает, что он, не будучи на деле самотождественным феноменом, должен быть представлен самотождественным понятием. А причастность любого индивида к данному «конструкту» (она же и есть моральность), в силу ее постулированной четкости, сохраняется при мысленном переходе от моральных следствий к посылкам, затем к посылкам посылок и т. д., порождая видимость ее реального и прочного бытия. Не будь этой четкости, пришлось бы задуматься над вопросом, где начало того конца, которым оканчивается начало.

Заключение

Какой статус будет иметь бесконечный регресс при альтернативном подходе к понятию бесконечности? В каждом конкретном случае этот регресс будет продолжаться лишь до соответствующего горизонта. Если мы сумеем рассматривать бесконечный регресс применительно к нечетким объектам, то для них экстраполяция за горизонт невозможна, т. к. такая экстраполяция в AST предусматривается лишь для четких феноменов. Таким образом, нечеткое понятие морали по мере приближения к горизонту будет сходиться на нет, и никаких принудительных логических оснований для объявления ее вечной и фундаментальной (или всеобщей максимальной!) не получается.

Здесь открывается возможность для переосмысления и творческого развития многих философских положений в рамках альтернативных подходов к бесконечности, однако реализация такой возможности наталкивается на серьезную преграду. Дело в том, что основной труд П. Вopenки по альтернативной бесконечности издан на словацком языке и до сих пор не переведен на другие языки.

¹ Гильберт Д. О бесконечном // Основания геометрии. М., 1948.

² Вopenка П. Математика в альтернативной теории множеств. М., 1983.

³ Победин Л. Н. О бесконечном // Философия науки. 2001. № 1(9). С. 91–98.

⁴ См.: Победин Л. Н. О бесконечном-2 // Философия науки. 2001. № 2(10). С. 102–107.